

Анна Владимировна СИНИЦКАЯ / Anna SINITSKAYA

| Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах/ The Discourse of "Victim" and the Boundaries of Public Reflection in Networked Communities |

Анна Владимировна СИНИЦКАЯ / Anna SINITSKAYA

*Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Самара, Россия
Кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания языков и литературы**Samara Regional Institute for Education and Professional Development, Samara, Russia
PhD in Philology, Associate Professor
vidha@yandex.ru***ДИСКУРС «ЖЕРТВЫ» И ГРАНИЦЫ ПУБЛИЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ
В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ**

Статья посвящена особенностям конфликтного общения и функционирования дискурса «жертвы» и «насилия» в интернет-коммуникации. Описаны несколько кейсов – примеров, позволяющих раскрыть указанную проблематику на материале дискуссий в сетевых группах – сообществах, объединенных профессиональными узами, сферой интеллектуальной деятельности. Анализируются режимы, в которых проговаривается опыт «жертвы/жертвенности» и реакция на рассказ об этом опыте в медийном пространстве. Голоса «жертв» воспринимаются как голоса «provocаторов» и «агрессоров», описание травматического опыта включено в поле публичной рефлексии.

Ключевые слова: сетевые сообщества (группы), конструкт «жертвы», групповая агрессия, публичная рефлексия, утопия, ностальгический дискурс.

**THE DISCOURSE OF "VICTIM" AND THE
BOUNDARIES OF PUBLIC REFLECTION
IN NETWORKED COMMUNITIES**

The article describes the features of conflict communication and the functioning of the discourse of "victim" and "violence" in Internet communication. In this paper, several case studies, which are described here, disclose this topic on the basis of discussions in network groups - communities that are united by professional ties, the sphere of intellectual activity. The author of the article analyzes the states in which the experience of "victim / sacrifice" is spoken and describes the reaction to the story about this experience in the media space. Voices of "victims" are perceived as voices of "provocateurs" and "aggressors", the description of traumatic experience is included in the field of public reflection.

Key words: network communities (groups), construct of "victim", group aggression, public reflection, utopia, nostalgic discourse.

Анна Владимировна СИНИЦКАЯ / Anna SINITSKAYA

| Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах / The Discourse of "Victim" and the Boundaries of Public Reflection in Networked Communities |

Целью статьи является описание нескольких кейсов в русском Фейсбуке – конкретных коммуникативных ситуаций, которые позволяют, при отвлечении от локальных контекстов, увидеть общую модель (вернее, одну из моделей) коммуникативного конфликта, в результате которого возникают фигуры «жертвы» и «provokatora» и обозначаются особенности конструирования границ приватного и публичного пространства. Отметим, что приведенные ниже наблюдения над сетевой коммуникацией – это, в основном, срез профессионально-корпоративной мемориальной практики, которая приобретает в Сети интимное измерение, проговаривается спонтанно, не фиксируется ни в каких официальных источниках. Обретает «голос» сама масса профессиональной среды (неважно, будь то университетская среда, поэтическое сообщество или «утопия» элитной школы), которую можно было бы, по аналогии с известным определением медиэвистов, до недавнего времени называть «безмолвствующим большинством». Теперь это большинство не молчит, оно включено в режим непрерывной публичной рефлексии.

Главное качество информационного поля, в особенности в социальных сетях – его непредсказуемость, провокативность. Взаимоотношение жертвы и преследователя определяются в немалой степени этим качеством. Тот, кто усиливает или создает эту провокативность, нарушает создавшееся впечатление мирности, стабильности микросреды в сетевом сообществе (как и просто сообщества в «реальности»), колеблет некое внутреннее равновесие, а потому вполне может подвергнуться остракизму – с соблюдением почти всех компонентов сюжета, хорошо описанного культурологами и историками. Некто изгоняется (символически, разумеется, но здесь «виртуальный» жест оказывается равен «реальному») из мира, в котором он, этот некто, перестал быть «своим». Но роль эту может принять на себя любой коммуникатор, даже сам того не ведая.

Большой соблазн в этом случае интерпретировать такие конфликты через модель, описанную Р. Жираром¹. На первый взгляд, очевиден поиск фигуры, которая могла бы условно взять на себя «грехи» некоторого сообщества², выступить в качестве заместительной жертвы, спасающей утопию. Однако думается, попытки описать сетевые модели взаимодействия между жертвой и сообществом, которое эту жертву себе назначает, а также взаимозаменяемость ролей «жертвы», «provokatora» и «агрессора» через простые аналогии с архаическими практиками вряд ли могут быть в полной мере эффективными: сходство все-таки не столь близкое, как кажется на первый взгляд. Именно текучесть и фрагментарность интернет-пространства не позволяет схематично пользоваться архетипическими характеристиками, взятыми напрокат из мифологии и/или фольклористики.

Как минимум, сетевой механизм поиска и назначения жертвы, ее травли оказывается более сложным, поскольку он связан не со стереотипом противостояния «власти» и «народа», а с перераспределением влияния внутри группы. И если, согласно наблюдениям Р. Жирара, жертва не может быть слишком «своей» или слишком «чужой», то есть она должна находиться все время на границе, то в сетевом общении, где центр и периферия подвижны, это пограничное, маргинальное состояние не есть некая константа: в роли маргинала может оказаться любой, в том числе и недавний лидер группы.

Коммуникативный механизм поиска и переназначения «жертвы» проблематизирует саму возможность высказывания интеллектуала о себе и других. Как показывает даже фрагментарная фиксация опыта сетевого общения, любая группа, в том числе объединенная профессиональными интересами и обладающая высокой коммуникативной культурой «в реале», конструирует общение с чет-

¹ Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

² Жирар Р. Козел отпущения. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.

Анна Владимировна СИНИЦКАЯ / Anna SINITSKAYA

| Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах/ The Discourse of "Victim" and the Boundaries of Public Reflection in Networked Communities |

ким выделением ролей «свои»/«чужие» и может «сорваться» на нарушение границ общения, подвергнув (очно или заочно) «чужака» травле или очевидной стигматизации.

«Свои» и «чужие»: сетевая утопия

Один из вариантов кризиса групповой коммуникации, конфликта в онлайн-общении выглядит следующим образом. В сетевую группу попадает (размещается самим модератором или кем-либо из рядовых участников) провоцирующий материал, который нарушает некое единство эмоционального поля и вызывает отторжение у большинства активных коммуникаторов. Это может быть, например, статья, содержащая некие критические замечания в адрес группы или всей микросреды в целом, к которой группа принадлежит «в реале»³, либо аналитику, которая, по мнению представителей сообщества, неадекватно отражает те или иные тенденции и создает их искаженный образ. Автор критикуется заочно, а если он состоит в группе, то может быть (после дискуссии или без нее) из нее исключен. В ряде схожих случаев оппонент, ставший «жертвой», воспринимается как «агрессор» не столько по причине резкого стиля изложения своих мыслей, сколько вообще из-за самого факта возникновения критики «извне». Комментатор является «маргиналом», не входящим в «ядро» активных участников, но все же связан с сообществом какими-либо, пусть дальними, кругами общения. Но карается он не за нарушения правил форума (которые могут и отсутствовать), а за акт «вынесения

сора из избы» во внешнюю, открытую публичную сферу. Так, один из потрясающих аргументов, который автор этих строк прочел в комментариях, звучал так: «представим себе, что мы сидим на кухне, и вдруг кто-то потом наши разговоры публикует...» – со всеми соответствующими ассоциациями, которые вообще образ кухни может вызывать.

Агрессия значительно возрастает, если автор конфликтогенного, скандального материала – непосредственный участник группы (неважно, активный или пассивный). Особенно если речь идет об общении в рамках так называемой «закрытой группы» в Фейсбуке: «закрытость» означает всего лишь техническое, формальное ограничение информации, которая должна быть адресована целевой аудитории. Однако эта «закрытость» часто воспринимается в буквальном смысле: нельзя «выносить сор из избы», то есть делать публичным достоянием внутренние обсуждения. Здесь обнаруживается неотрефлексированный парадокс, ведь Интернет представляет собой открытый источник информации, и, в общем-то, любая группа так или иначе просматривается на просторах Сети, а «постучаться» в группу может любой, кто узнал о существовании сообщества, например, через «друзей».

Любопытным проявлением сетевого остроклизма может быть и ситуация, когда автор «неправильной» статьи специально вызывается на поле боя (Фейсбук сообщает потенциальной жертве о том, что ее «упомянули»), то есть подвергается принудительной коммуникации⁴. Такое вовлечение

³ Такой сценарий видим в одном из обсуждений группы учителей-словесников, см.: Методическая копилка: «Литература-бис» (закрытая группа в Фейсбуке). [Эл. ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/groups/820290371326963/> (дата обращения: 10.10.2017). Примечательно, что в речи коммуникаторов необычайно быстро актуализировались прежние стереотипы советского закрытого общества: боязнь взгляда со стороны, по сути, превратилась в боязнь доноса (в группе высказывались «крамольные» мысли, не совпадающие с официальными установками Министерства образования).

⁴ Подобная модель проявилась, например, в обсуждении статьи: Анна Вичкитова. Роль «толстых журналов» в современном литературном процессе // Социологическое обозрение. 2016. №3. т.15. С. 68-90. Спор, разгоревшийся на странице Фейсбука одного из непосредственных участников анализируемого литературного процесса, привел, по сути, к публичной «порке» автора упомянутого социологического изыскания. Иначе говоря, сообщество, члены которого сами включены в разнообразные формы рефлексии и исследовательские проекты, едва оказавшись «объектом исследования», отве-

Анна Владимировна СИНИЦКАЯ / Anna SINITSKAYA

| Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах / The Discourse of "Victim" and the Boundaries of Public Reflection in Networked Communities |

в дискуссию оборачивается «приглашением на казнь»: далее разворачивается явно неравноправная коммуникация, переходящая в открытую групповую агрессию, как правило, подспудно имеющую все ту же причину: «наше сообщество неверно оценивают», «нас неправильно видят (или увидят) со стороны».

Во всех описанных случаях трансгрессия частного и публичного, официального воспринимается однозначно негативно и связывается с неким тайным наблюдением, «подглядыванием» за жизнью группы.

Собственно, работа с проблематикой виктимности, травмы, боли и насилия и вообще всего, что связано с этим семантическим полем, включая образы власти – вряд ли возможна без рассмотрения современных особенностей конструирования границ публичного и частного, интимного, без анализа «принуждения к коммуникации», коль скоро эти моменты являются неотъемлемой частью современного социокультурного пространства в целом.

Подобных сюжетов достаточно много в русскоязычном Фейсбуке, и развиваются они часто по сходным сценариям. Их типология еще ждет своего изучения. Ниже я постараюсь описать несколько кейсов – историй таких конфликтов.

«Жертва» как «говорящий свидетель», или Нарратив травмы

О противоречии между приватностью и публичностью, о взрывоопасной проницаемости границ интимного и публичного регулярно свидетельствуют разнообразные скандальные сюжеты. Один из таких скандалов разгорелся осенью 2016 года: это ситуация вокруг элитарной московской школы № 57, в которой, как свидетельствуют мно-

го тило агрессией, исключив возможность равноправной дискуссии (Евгения Вежлян: личная страница в Фейсбуке [Эл. ресурс]. URL: www.facebook.com/people/Евгения-Вежлян/100001557507217 (дата обращения: 04.09.2017).

гочисленные рассказы, имели место давно укоренившиеся «неуставные отношения» учителей с учениками. Скандал начался с фейсбучного поста московской журналистки Екатерины Кронгауз⁵, опубликованного в качестве именно частного свидетельства, а не журналистского расследования (которое, кажется, в полной мере так и не было проведено, как и судебное), и далее стал очевиден для всех, выплеснулся в широкое пространство СМИ, активно обсуждался на разных медиаплощадках. Но, повторимся, в основном «коммуникативный пожар» охватил именно онлайн-общение. Этот сюжет по своему накалу, масштабу обсуждения и антропологическим последствиям вполне сопоставим с информационными войнами, и история сетевых конфликтов в Рунете без этой страницы будет явно неполной.

Далее (или почти одновременно с первыми резонансными сообщениями) последовали другие посты в соцсетях, принадлежащие сотрудникам школы, выпускникам, реальным и мнимым свидетелям, наблюдателям и т.д. Педагоги, родители, дети, причастные и не причастные к жизни этой школы, журналисты и психологи – все оказались вовлечены в процесс выяснения «достоверности», в поиск «истины» в объективном, юридическом смысле, и «правды» в морально-этическом, личном измерении⁶.

Стоит еще раз подчеркнуть, что началось это резонансное обсуждение с сугубо частного высказывания (блоги не считаются статьей или вообще каким-либо официальным журналистским рас-

⁵ Екатерина Кронгауз: личная страница в Фейсбуке [Эл. ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/ekaterina.kronhaus/posts/10153990961688095?pnref=story> (дата обращения: 04.09.2017).

⁶ В постах и комментариях обнаруживалась невозможность «зафиксировать» собственно юридические границы рассказанной истории, см.: «Елена, понимаю все тяжесть вопроса, но почему не иск, не суд, почему "сообщение"?» Елена Пенская: личная страница в Фейсбуке. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/e.penskaya/posts/10205383244620073> (дата обращения: 9.10.2017.)

Анна Владимировна СИНИЦКАЯ / Anna SINITSKAYA

| Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах / The Discourse of "Victim" and the Boundaries of Public Reflection in Networked Communities |

следованием, документом, заявлением и т.д.)⁷ – то есть сразу было обострено восприятие и переживание личного, частного пространства и опыта публичной демонстрации неких «постыдных» событий в жизни.

Казалось бы, подобных скандальных историй сегодня более чем достаточно, в чем же значимость именно этой?

Во-первых, исключительно «сетевое» изменение этой истории обнаружило возможности Интернета выстраивать если не замену существующей официальной судебно-правовой системе, то некую весьма привлекательную ее параллель, и именно в зоне смещения публичного и личного. При этом коммуникативный клубок оказался настолько сложно переплетенным, что роли жертв и агрессоров, обвинителей, судей и свидетелей оказались взаимобратимыми *par excellence*. Ожидаемый в таком случае сценарий оправдания с явной гендерной подоплекой («жертвы насилия сами виноваты») осложнялся тем, что у участников обсуждения, погруженных в бурлящий информационный поток, почти не было возможности воспринимать эту историю дистанцированно: процесс говорения о своей/чужой травме, не связанной, может быть, именно с этой историей, оказался актуальным для всех.

Примечателен факт: скандалу в московской школе предшествовал знаменитый флэшмоб «#Янебоюсьсказать», который прошел по социальной сети весной-летом 2016 года и вызвал своеобразный «взрыв» нарративов о сексуальном наси-

лии. В роли «жертвы», или «провокатора-скандалиста» выступали коммуникаторы, сообщающие о своем реальном опыте жертвы или (реже) об опыте разговора на эту тему с бывшей жертвой.

Видимо, не лишено оснований предположение, что такой обмен «стыдной», травмирующей информацией и спровоцировал открытое обсуждение «сора из избы», из конкретного закрытого школьного коллектива. А далее, в свою очередь, запустился механизм едва ли не всеобщего покаяния/осуждения: активные пользователи Рунета оказались в равной степени готовыми: 1) сообщать о собственных травматических переживаниях, 2) обвинять других, 3) каяться в том, что они сами были не только жертвами, но и молчаливыми свидетелями. Проговариваемый опыт «жертвы/жертвенности» и реакция на рассказ об этом опыте оказываются слиты, почти неразличимы и актуальны для всех участников современного массмедийного процесса.

Разнообразные истории от имени пострадавших посыпались как из рога изобилия. Произошедшее осмыслялось в регистрах исповеди, которая напоминала и донос, и свидетельство, и проповедь одновременно.

Оценка такого дискурса «жертвы» колебалась между двумя полюсами. Был и восторг перед беспрецедентной открытостью обсуждения, свидетельствующего о росте самосознания общества. Но была и характеристика этого события как массовой истерии и душевного стриптиза (проводилась параллель с сюжетом известного рассказа Ф.М. Достоевского «Бобок», в котором загробные персонажи предлагали отдаться «бесстыдной правде», «заголиться и обнажиться»).

Так или иначе, к чрезмерной исповедальности в Сети, которая неизбежно предполагает «работу на публику», активность самопрезентации, оказались готовы далеко не все. Голоса «жертв» воспринимались как голоса «провокаторов», «агрессоров», вторгнувшихся в личное информационное поле тех, кто никакой стрессовой информации

⁷ См.: Храбрые девочки из 57 школы // Московский комсомолец [Эл. ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/social/the-first-of-september/2016/09/05/khrabrye-devochki-iz-57shkoly.html> (дата обращения: 12.09.2017); Директор 57 школы заявил об уходе // Афиша Daily [Эл. ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/news/3751-direktor-57-y-shkoly-zayavil-ob-uhode/> (дата обращения: 23.06.2017); Что происходит в 57 школе. Цепочка событий // Meduza [Эл. ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/05/chto-proishodit-v-57-y-shkole-tsepochka-sobytyu> (дата обращения: 12.09.2017).

Анна Владимировна СИНИЦКАЯ / Anna SINITSKAYA

| Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах / The Discourse of "Victim" and the Boundaries of Public Reflection in Networked Communities |

воспринимать не хочет («я не знаю, кто там прав и виноват, не хочу об этом слышать/читать»). В комментариях встречались, разумеется, и установки, хорошо изученные в социальной психологии как феномен виктимблейминга (victim blaming)⁸ – обвинения жертвы: ответственность за совершенное насилие переносится на самого пострадавшего, который якобы сам провоцирует несправедливое событие в свой адрес.

Во-вторых, описанный кейс обнаруживает актуальность самого опыта «говорения о насильственной травме». Вопреки распространенному утверждению, что экстремальные ситуации приводят к «коммуникативной катастрофе» – то есть к невозможности рассказать о своем переживании, – здесь именно подобное состояние «за пределами добра и зла» потребовало наррации, проговаривания.

В-третьих, «скандальная» школьная история высвечивает важные «нервные узлы» социального тела, отражает, как принято говорить, коллективную травму. Школа, как известно, «точка сборки» публичности: именно здесь надлежит учиться социализации, преодолевая и перестраивая личные, семейные контексты. В рамках названного конфликта страшные воспоминания о вполне конкретной разновидности насилия спровоцировали нарративы о школьном прошлом. И это прошлое у подавляющего большинства участников коммуникации представляет одну сплошную рану, которую всю сознательную взрослую жизнь они пытались забыть. Открылось поле публичной рефлексии, которая свидетельствовала, что вне языка описания травматического опыта о школьной жизни и о общении к социуму говорить почти невозможно.

Немаловажно и другое обстоятельство: в таких нарративах «школьного скандала» актуализируется образ/архетип самой известной сакраль-

ной жертвы, универсальной для европейской культуры: Учитель, преданный (оклеветанный) учениками. Однако этот же сюжет одновременно претерпевает инверсию: Учитель, совершающий насилие, сам становится предателем, и у педагогического сюжета открывается антихристов подкладка, ибо любая претензия на истинное учительство может быть мнимой, а жертва может обернуться (на самом деле являться) агрессором. Как и наоборот: образ ребенка-жертвы «мерцает» на границе другого семантического поля (ребенок-обвинитель, ребенок-свидетель/судья / палач)⁹.

И все это описывается, рассказывается и рефлексировается в рамках «публичной интимности». Проницаемость границ приватного и публичного пространств приводит к переформатированию жанра дневника: личное высказывание, обозначенное в блоге, только отдаленно напоминает классическую дневниковую форму. Дневник, как много раз уже отмечалось, сам по себе всегда находится «на драматическом разломе между персональностью и социумом», феноменология дневника всегда предполагает «отсроченность во времени», «дает задержку ответа Другому»¹⁰. Адресованный многим, сетевой дневник/блог запускает механизм рефлексии интимных переживаний и у других участников.

Современная медийная сфера в значительной степени усиливает противоречие между общим

⁸ См., например: Lerner M. J., Miller D. T. Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // Psychological Bulletin. 1975. – № 85(5). P. 1030-1051; Ryan W. Blaming the Victim. – New York: Pantheon Books, 1971.

⁹ Один из учителей (кстати, довольно известная публичная фигура), вынужденных уволиться из школы после скандала именно потому, что он защищал право учеников «выносить сор из избы» и признать факт криминала в школе, в рассказе о своем «изгнании из рая» использует маркеры, явно отсылающие к травме исторической: «Я не ожидал встретиться с тем, о чем я читал в книгах о партсобраниях 1930-х годов, о показательных процессах, я не ожидал такой степени агрессии, откровенной недоброжелательности» (см.: Сергей Волков. Школа делает вид, что ничего не происходит [Эл. ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/02/shkola-delaet-vid-chto-nichego-ne-proishodit> (дата обращения: 05.10.2017).

¹⁰ Пигров К.С. Личный дневник как философско-антропологический концепт // Сила простых вещей. СПб.: Алетейя, 2012. С. 202-222.

Анна Владимировна СИНИЦКАЯ / Anna SINITSKAYA

| Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах / The Discourse of "Victim" and the Boundaries of Public Reflection in Networked Communities |

и индивидуальным. Между записью индивидуальных, субъективных переживаний и фиксацией общественно значимых событий – двумя противоположностями – обнаруживаются точки их необычного слияния: социальная память проговаривается здесь и сейчас, как текст повседневности. И отныне нет никакой отсрочки ответа Другому, нет дистанции во времени: дневник создается мгновенно, творится на глазах читательского сообщества и во многом создается коллективными, а не только индивидуальными усилиями, поскольку в дневниковую ткань зарисовок, заметок и наблюдений включаются и чужие комментарии. Обратная связь здесь возведена в абсолют, и дневник как форма самопрезентации стал доступен всем: я самовыражаюсь и включаю в это поле своего самовыражения всех остальных.

То есть регистры рефлексии жертвенной роли (воспринимаю ли я себя или другого как жертву) зависят и от болезненности переживания границ своего личного пространства. И – от групповой идентификации, от чувства причастности: насколько для нас важно не быть изгнанным откуда-то, в какой степени мы готовы терпеть власть группы над своим личным пространством. Роль «жертвы» оказывается во многом связана именно с ощущением нарушения, исчезновения этих границ. Наблюдение не новое, но в контексте сетевого взаимодействия – принципиально другого коммуникативного измерения – оно приобретает особые черты.

В очерченной проблематике можно поставить следующие акценты.

Общение в Интернете способно быть лакмусовой бумажкой многих важных процессов, которые в реальности оказываются диффузными и далеко не очевидными. При всей текучести и неувловимости интернет-коммуникации, именно в ней кристаллизуются те образы травм и болевые точки, которые свойственны социальному воображаемому в целом, прежде всего – связанные с трансформацией личного (информационного, жизненного) пространства.

Сетевое общение позволяет зафиксировать важные пласты коллективной памяти, в особенности групп, чье единство основано на профессиональной идентичности. Не случайно во всех приведенных примерах конфликт с поиском «жертвы» разворачивается внутри сообществ, которые скреплены корпоративными узами, воспоминаниями о своей alma mater. С этой точки зрения всевозможные академические, университетские, вузовские группы, их репрезентация в социальных сетях – поистине уникальное явление. Кажется, именно такая неостывшая лава высказываний способна сообщить, например, об особенностях профессиональной академической среды гораздо больше, чем официальные/официозные источники. Как справедливо отмечается историками высшей школы, «в отличие от большинства профессиональных сообществ, внутри университета нет деления на производителей памяти и реципиентов <...> любой университетский человек имеет право на изложение своего представления о коллективном прошлом»¹¹, и это изложение может создавать параллельное прошлое¹², не совпадающее буквально с принятым

126

¹¹ Савельева И.М. Классическое наследие в структуре университетской памяти // Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С.285-300.

¹² Впрочем, это «параллельное прошлое» содержит немало коммуникационных рисков. Так, в онлайн-сообществе филологического факультета одного из вузов развернулся скандал: «троллем» была назначена фигура, ставшая «жертвой» и изгнанная из сетевой группы за публикацию биографического характера (текст, заметим, разместил не сам автор, а модератор группы). Автор материала (известный в городе колумнист) оказался здесь провокатором-«маргиналом», который относился к ярким, но далеко не образцовым выпускникам факультета и рассказывал о том, как ему не удалось с первого раза поступить в университет. Иначе говоря, тот самый «козел отпущения», по Жирану, «чужой среди своих»: статья содержала описание опыта «жертвы», конфликтную историю, противоречащую общей ностальгии. В результате этого холивара произошло «схлопывание» группы, активная коммуникация в ней сошла на нет, см.: Вспомним филфак (закрытая группа Самарского госуниверситета в Фейсбуке) [Эл. ресурс]. URL:

Анна Владимировна СИНИЦКАЯ / Anna SINITSKAYA

| Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах / The Discourse of "Victim" and the Boundaries of Public Reflection in Networked Communities |

ми коммеморативными практиками (общекорпоративные ритуалы, архивы и т.д.). Социальные сети позволяют сделать многослойность этого прошлого, состоящего из множества микроисторий, очевидным.

Подобные характеристики, с небольшими поправками, вполне применимы ко многим сообществам, связанным с образовательной, гуманитарной сферой как таковой.

Наиболее ценное, что может содержаться в такой фиксации для историка социума, социального психолога – это возможность осмысления идентификации тех или иных сообществ и групп. Тем примечательнее факт отторжения негативной информации, способной очернить «светлый образ» прошлого, ценностей корпоративной микроутопии, и – превращения в «жертву» субъекта рефлексии, сомневающегося.

Пикантность подобных ситуаций заключается в том, что не критическое восприятие информации, попытки закрыться от нее, нежелание разрушать образ комфортного существования оказываются свойственны и сообществам гуманитариев-интеллектуалов, которые по определению должны рефлексировать механизмы социального воображаемого, отказываясь от претензии на истину в последней инстанции. *Утопия* микросреды, желание сохранить гармонию неизбежно будут граничить с *ностальгией*. И тогда возникает новый семантический ряд: *ностальгия*, которая носит исключительно ретроспективный характер, и ее враг

– вольный или невольный разрушитель – «жертва», образ которой конструируется как образ «агрессора», который на деле всего лишь пытается придать ностальгическому переживанию критическое измерение, продуктивную установку. При этом ностальгический дискурс оказывается тесно переплетен с нарративом переживания травмы, сугубо личное переливается в общее, корпоративное.

Именно в таких импровизационных визуализированных речах онлайн-общения обнаруживается, проговаривается память прошлого, границы личного и общественного.

Видимо, назрела необходимость выработки аналитического инструментария, который позволил бы вписать в теорию виктимности интерактивное действие медийных, цифровых технологий, изменяющих повседневные практики общения, и при этом учитывать особенности формирования той или иной среды. Конструкт «жертвы», как и вообще какие-либо провокативные стратегии коммуникации, здесь способны быть репрезентацией проблемы идентичности, обоснования собственной профессиональной состоятельности, болезненного переживания границ «публичной приватности» и «приватной публичности». Нетрудно увидеть, что это переживание в описанных выше кейсах специфически проявляется именно в среде гуманитариев, которые являются глашатаями нового интеллектуального, культурного опыта медиа и одновременно весьма активно рефлексиируют свою маргинальность.

https://www.facebook.com/groups/211115565741376/?ref=group_header (дата обращения: 23.09.2017).

